

Н. Г. Бабенко

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ КОЛЛОКАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

39

*Статья посвящена проблематике совместного употребления в художественном тексте глаголов и девербативов. Глаголы и отглагольные существительные действия рассматриваются в функционально-семантическом аспекте на материале произведений И. А. Гончарова, И. А. Бунина, А. И. Солженицына, В. С. Маканина, Д. А. Данилова. Лингвопоэтический анализ предусматривает исследование глаголов и девербативов, а также глагольных и именных характеристик *nomina actionis* в их взаимодействии. Делается вывод о смыслообразующих возможностях глаголов и имен действия при реализации лингвопоэтического приема коллокации.*

The author investigates verb-verbal noun collocations in literary texts. These collocations are analysed from the functional and semantic point of view. Literary works of I. Goncharov, I. Bunin, A. Solzhenitsyn, V. Makanin and D. Danilov are used as sources of examples. The author studies verbs and verbal (action) nouns from a linguopoetic perspective. Special attention is paid to verbal and nominal characteristics of action nouns and their interaction. The author draws a number of conclusions about the potential of verbs and action nouns for the development of meaning in collocations.

Ключевые слова: глаголы, девербативы, коллокация, синтаксическая деривация, язык художественной литературы.

Keywords: verbs, deverbatives, collocation, syntactical derivation, language of fiction.

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются глаголы и отглагольные существительные — синтаксические дериваты со значением процесса, функционирующие в произведениях И. Гончарова, И. Бунина, А. Солженицына, В. Маканина и Д. Данилова. Предмет анализа — лингвопоэтический потенциал глаголов и *nomina actionis*: художественные приемы, эксплуатирующие способность девербативов в соответствующем контексте актуализировать то глагольную, то именную семантику.

Неослабевающий интерес ученых к тому, «как влияют грамматические категории мотивирующего на номинативные и коммуникативные свойства мотивированного, наследуются ли они, и если да, то каким образом трансформируются при этом» [14, с. 21], обусловлен и возможностью неоднозначных интерпретаций теории синтаксической деривации, и трудностью верификации результатов исследований грамматической семантики девербативов. В современной теории отглагольных существительных представлены контрастные точки зрения на семантическую природу этих образований. Так, М. Б. Ташлыкова считает, что

«собственно глагольные категории в семантической структуре отглагольного имени представлены в снятом виде; ни аспектуальные, ни временные характеристики девербатив не выражает, обозначая процесс как таковой» [18, с. 9]. Солидарна со сказанным З. А. Мирошникова: по ее мнению, при образовании отглагольного имени «глагольная основа утрачивает активный, динамический характер значения, происходит как бы “консервация” значения» [11, с. 121]. Другой точки зрения придерживается Д. Миронов, усматривающий в *nomina actionis* глагольность, то есть «семантические характеристики, свойственные отглагольному имени в силу его деривационной связи с глаголом. <...> Семантически и функционально в этих словах господствуют не именные, а глагольные характеристики» [10, с. 8, 9]. Опираясь на оппозицию «эксплицитное – имплицитное», Е. Н. Егорова характеризует девербативы следующим образом: «Девербативам свойственны глагольные грамматические категории – вид, залог, время, но их проявление носит имплицитный характер. <...> Девербативам присущи именные грамматические категории (род, число, падеж), носящие эксплицитный оформляющий характер» [5, с. 7].

Обратимся к анализу лингвопоэтических приемов, провоцирующих актуализацию в девербативе, функционирующем во взаимодействии («совстречаемости») с глаголами или другими девербативами, глагольных либо именных семантических характеристик.

В романе И. А. Гончарова «Обломов» психофизический портрет главного персонажа и доступный вербальной экспликации семантический объем авторского концепта «обломовщина» формируются (в числе других) лингвопоэтическим приемом построения глагольно-девербативной коллокации как функционально-семантического комплекса, выполняющего тексто- и смыслообразующую функции. Словесная ткань романа «Обломов» содержит 79 преимущественно дистантно расположенных однокоренных образований: глаголы *лежать* (6)¹ в формах *лежу* (1), *лежит* (6), *лежите* (3), *лежат* (1), *лежал* (10), *лежали* (2), *лежащий* (1); *ложиться* (1) в формах *ложился* (9), *ложась* (2); *лечь* (4) в формах *лег* (8), *ляжет* (2), *лег бы* (2); *прилечь* (3) в формах *прилягу* (1), *приляжет* (1), *прилег* (1); *полежать* (1) в формах *полежал* (1), *полежав* (1); *улечься* (1) в форме *улегся* (2); отглагольные существительные *лежанье* (4), *лежанка* (3) и наречие *лежа* (2).

Абсолютное большинство приведенных словоформ эксплицирует неодолимую тягу главного героя романа к горизонтальному положению как позиции покоя, лени, полной приватности, отгороженности от суеты внешнего мира, физического и душевного комфорта:

Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он *все лежал*², и всё постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетом и приемной [3, с. 30]. Обломов *все лежал* на диване, веря и не веря смыслу утреннего разговора с Ольгой [3, с. 259].

¹ При перечислении лексем в круглых скобках здесь и далее указывается количество употреблений словоформы в анализируемых текстах.

² Здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.

Позиционный глагол состояния *лежать* и однокоренные глаголы являются ядром тематической группы горизонтального положения персонажа. Усилительная частица *всё* раздвигает временные рамки действия/состояния по глаголу *лежать*, девербатив места *спальня* обозначает пространство реализации названного действия. В эту же группу входят предметные номинации *диван, постель, подушка, одеяло, халат*, существительные и глаголы состояния *дремота, сон, спать, дремать*.

А. В. Трофимова так характеризует действие, называемое статальными позиционными глаголами: «...действие это ни к чему не ведет, не создает никакого нового качества в субъекте или в объекте, не дает никакой перспективы, кроме перспективы монотонной, себе тождественной деятельности» [19, с. 197]. Ретроспектива статальных действий как «монотонной, себе тождественной деятельности» роднит Илью Ильича с любимыми им обитателями Обломовки:

Как там отец его, дед, дети, внучата и гости сидели или лежали в ленивом покое... так и тут Обломов, не трогаясь с дивана, видел, что движется что-то живое и проворное в его пользу... [3, с. 436]

Девербатив *лежанка* в известной степени сближает барина и его слугу-обломовца:

В комнате, которая отделялась только небольшим коридором от кабинета Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цепной собаки, потом стук спрыгнувших откуда-то ног. Это Захар спрыгнул с *лежанки*, на которой обыкновенно проводил время, сидя погруженный в дремоту [3, с. 34].

Статальный глагол *лежал*, автокаузативы *ложился, улегся*, причастие *лежащий*, деепричастие *полежав*, наречие *лежа* функционируют в романе как средства «морфологии взаимодействия» (И. В. Высоцкая) при представлении множества конкретных ситуаций перехода Обломова в горизонтальное положение или пребывания в нем.

Иная роль отведена девербативу *лежанье*: выбор имени действия/состояния обуславливается потребностью перейти от фиксации конкретных эпизодов, маркированных вышеназванными глаголами «горизонтального положения», к осмыслению феномена лежащего существования Обломова, а значит, к абстрагированию и обобщению, на что способно именно существительное:

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием [3, с. 30].

В приведенном высказывании актуализирована не глагольная, а именная семантика девербатива *лежанье*, определяемая О. Н. Селиверстовой «как что-то, что непрерывно создается какими-либо силами (в частности, силами тяжести), заложенными в субъекте» [16, с. 120–121]. «Какие-то силы» — это силы безволия, недееспособности, то есть обломовщины.

Именные признаки девербатива *лежанье* могут быть актуализированы и контактным употреблением в ряду однородных членов предложения (косвенными дополнениями) с неотглагольными существительными, называющими непроецессуальный признак (*неловкость*) или косвенно не чуждое процессуальности состояние (*лень*):

Ей, казалось, было жаль, что случилось что-то такое, что помешало ей мучить Обломова устремленным на него любопытным взглядом и добродушно уязвлять его насмешками над *лежаньем*, над *ленью*, над его неловкостью [3, с. 246].

42

В следующем примере — напротив, имя действия *лежанье* в союзе с девербативами *дремота*, *порывы* и глаголом несовершенного вида *грезилась* эксплицирует прежде всего глагольность: протяженность во времени, нерасчлененную на фазы длительность пребывания в состоянии:

Обломову, среди ленивого *лежанья* в ленивых позах, среди тупой дремоты и среди вдохновенных порывов, на первом плане всегда грезилась женщина как жена и иногда — как любовница [3, с. 244].

Если в романе И. А. Гончарова «Обломов» коллокация представлена как «функциональная структура совмещения, встречаемости глаголов и девербативов» [7, с. 6], то в рассказе И. А. Бунина «Убийца» девербатив *восхищение* работает иначе: дважды употребленное имя действия обрамляет, эмоционально «закольцовывает» повествование о любви и преступлении красавицы-купчихи.

Рассказ открывается интродуктивными предложениями («Дом с мезонином в Замоскворечье. <...> Перед ним толпа и большой автомобиль, казенный» [1, с. 258]), статично описывающими место и участников сцены — созерцателей происходящего. Положение дома, толпы, казенного автомобиля неизменно вплоть до финала рассказа. Неизменна и эмоция «массовки», выраженная девербативом *восхищение*. В начале повествования эксплицитно этот эмотив определяет глагол визуального восприятия *смотрит* (как?) с *восхищением*, а имплицитно — и аудиальный глагол *слушает*, ведь именно *певучий* рассказ о страстях любви и смертоубийства является стимулом для эмоциональной реакции толпы:

В растворенные двери подъезда виден на лестнице вверх коврик, серый, с красной дорожкой. И вся толпа смотрит туда с восхищением, слышен певучий голос:

— Да, милые, убила! Вдова молодая, богатого купеческого роду... Любила его, говорят, до страсти. А он только на ее достаток льстился, гулял с кем попало. Вот она и пригласила его к себе на прощанье, угощала, вином поила, все повторяла: «Дай мне на тебя наглядеться!» А потом и всадила ему, хмельному, нож в душу... [1, с. 258]

Портретное изображение героини рассказа убеждает читателя в том, что эмоция восхищения, владеющая толпой, не ослабевает — так прекрасна эта идущая на каторгу преступница и жертва в одном лице:

И вот она показалась — сперва стройные ноги, потом полы собольей накидки, а потом и вся, во всем своем наряде — плавно, точно к венцу, в церковь, стала спускаться вниз по ступенькам. Бела и дородна, черные глаза и черные брови, голова открыта, причесана гладко, с прямым пробором, в ушах качаются, блещут длинные серьги. Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка — ко всему народу... [1, с. 258–259]

«Замершая» эмоция восхищения определяет и финальные действия собравшихся:

Вошла в машину, села, за ней вошли власти, человек в ловкой шинели строго и недовольно глянул на любопытных; хлопнула дверца, машина сразу взяла с места...

И все, глядя вслед, с восхищением:

– И-их, покатили, помчали! [1, с. 259]

Г. А. Золотова объясняет предпочтение девербативов мотивирующим глаголам тем, что «языку нет надобности соотношения между действием и его субъектом расчленять» [8, с. 166]. В рассказе «Убийца» девербатив *восхищение* действительно передает нерасчлененность, единство перцептивных реакций и эмоционального состояния коллективного субъекта восприятия.

В повести Владимира Маканина «Буква А» прием коллокации реализуется рядом однокоренных глаголов и ключевым отглагольным существительным. «Буква А» — повесть о «холодном лете 1953 года», о времени, которое «пыталось превратиться в хронику», о «пробивающейся новизне» [9], будоражащей умы и души лагерных заключенных.

Ключевыми словами текста становятся узуальные глаголы *ждали* (*Ждали... воля, житуха...* [9, с. 19]; *Потому и ждали день за днем свою первую букву* [9, с. 8]), *ожидалась* (*Очередная перемена уже ожидалась. Вот-вот... Уже толчками* [9, с. 19]) и не употребляемая в узусе словоформа *ждалось* (*И был же какой-то приказ. Зеков собрали. Но за время их сбора не направленный выше жест иссяк. Его качество (качество приказа) иссякло. Чего-то не хватало в их воздухе. Или что-то ждалось* [9, с. 20]).

Имперфективы *ждали* – *ожидалась* – *ждалось*, выстраиваясь в ряд, подчеркивают постоянство психологического состояния заключенных, доминирование в мотивной организации произведения ожидания свободы. Художественной целью перехода от невозвратного бесприставочного глагола состояния *ждали* к возвратному *ожидалась* является усиление мотива насильственной исключенности узников из числа субъектов действия по обретению свободы. Третий компонент ряда — глагол *ждалось* — составляет грамматическую основу с местоимением *что-то*, благодаря чему «сгущается» модальный фон повествования — его неопределенность, необычность, странность. Потенциальными (потенциальными Г. О. Винокур называл слова, «которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [2, с. 15]) бесприставочный глагол *ждалось* приходит на смену узуальному и «стертому» частым употреблением приставочному глаголу *ожидалась*, что способствует актуализации его корневого значения.

По мнению Ж. Женнета, «залог обозначает одновременно отношения между наррацией (изложением. — Н. Б.) и повествованием (текстом как результатом изложения. — Н. Б.)» [6, с. 69]. Неузואльный страдательный глагол *ждалось* действительно обозначает в тексте повести Маканина точку наивысшего напряжения отношений между наррацией и ходом описываемых событий, их сцеплением.

Актуализированная процессуальность глаголов *ждали* — *ожидалась* — *ждалось* обуславливает (вкупе с глаголом *шло* и наречием *неостановимо*) прояснение семантики несовершенного вида в ключевом девербативе *высвобождение*:

44

Высвобождение уже шло извне. <...> Высвобождение уже шло изнутри. Неостановимо [9, с. 18].

В малом текстовом пространстве короткого рассказа А. И. Солженицына «Старение» [17] имена действия занимают главенствующее положение, обеспечивая имперфективный характер наррации:

Старенье — вовсе не наказание Божье, в нём своя благодать и свои тёплые краски. <...>

Теплится может даже ослабление твоих сил, сравниваешь: а каким, значит, коренником я был раньше. Не вытягиваешь целого дня работы — сладок и краткий перерыв сознания, и снова ясность второго или третьего утра в день, ещё подарок. И есть наслаждение духа — ограничиваться в поедании, не искать вкусовых переборов: ещё ты вживе, а поднимаешься выше материи. <...> Ясное старение — это путь не вниз, а вверх.

Девербатив *старение*, давший название прозаической миниатюре А. И. Солженицына, мотивирован глаголом качества *стареть*, в свою очередь производного от качественного прилагательного *старый* добавлением к его основе глагольного суффикса *-е-* со значением 'приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным' [15, с. 346]. Уже начальное звено словообразовательной цепи *старый* — *стареть* — *старение* обладает временной семантикой, о чем Д. Миронов, учитывая наблюдения Е. В. Рахилиной [13], пишет: «...*старый* представляется как временной оператор только с одним значением, которое можно было бы описать как 'возникший, начавший свое существование, созданный давно относительно момента речи'» [10, с. 17]. Срединное звено цепи — глагол несовершенного вида *стареть* — называет протяженное во времени накопление качества без указания на конечную фазу этого действия, и последнее звено цепи — имя действия *старение* — выражает своей основой динамичную глагольность, не погашаемую частеречным суффиксом отглагольного существительного *-ниџ-*. Ключевой девербатив *старение* репрезентирует концептуальный смысл произведения: старение — это длящийся процесс, полный ощущений, мыслей и эмоций, это восхождение по временной вертикали: *Ясное старение* — это путь не вниз, а вверх.

Текст анализируемой прозаической миниатюры («крохотки», по определению автора) организует трехкратный точный повтор деверба-

тива *старение* в сильных позициях — заглавии, начале и финале короткого рассказа. Создаваемое этим словом напряжение внутритекстовых связей поддерживается коллокацией отглагольных существительных (*наказание, ослабление, наслаждение, поедание*), в которых имплицированы отголоски видовых значений.

Лингвопоэтический прием коллокации разнокоренных девербатов, примененный А.И. Солженицыным, в утрированной версии стал доминирующим текстообразующим приемом в романе Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение» [4], представляющем собой каталог урбанистических и пейзажных зарисовок, в которых наблюдатель-повествователь пытается объективно, беспристрастно и детально фиксировать окружающую его реальность. И в то же время роман «Горизонтальное положение» не содержит «текстового события», то есть значимого, неповторимого, непредсказуемого изменения некоторой исходной ситуации. Все перемещения и действия персонажа могут быть вмещены в бытийную триаду: пробуждение — наполнение дня — горизонтальное положение/сон.

Данилов реализует художественный эксперимент, о цели которого высказался таким образом: «Я пытался в этом квазидневнике — не надо воспринимать этот текст как дневник настоящий — зафиксировать то, на что обычно авторы романов не обращают внимания: на поток мелких повседневных “неважных” явлений, из которых процентов на 90, а то и на все 99 состоит жизнь подавляющего большинства людей. Зафиксировать, если можно так выразиться, поток неважного, поток обыкновенного» (цит. по: [12]). Заметим, что семантика имперфективного глагола *фиксировать* в начальной фазе называемого действия предполагает «точечную» статику. Эффект иллюзорной бессубъектности каждого опредмеченного в девербативе действия обуславливается конвергенцией лингвопоэтических приемов тотальной девербации и коллокации, тотальной «совстречаемости» узуальных и потенциальных 545 имен действия. Наиболее часто встречаются следующие девербативы: *положение* (75), *обсуждение* (56), *пробуждение* (42), *фотографирование* (38), *осознание* (34), *посадка* (30), *покидание* (27), *продвижение* (24), *засыпание* (21), *добредание* (15), *просыпание* (15), *выпивание* (14), *сидение* (11), *закусывание* (11), *отхлебывание* (10).

Выразительной иллюстрацией тотального применения текстового приема девербации является «нанизывание» 16 (с учетом повторов) девербатов в пределах одного номинативного предложения: *Лежание, отхлебывание, пережевывание, чтение, засыпание, просыпание, чтение, отхлебывание, пережевывание, засыпание, просыпание, принятие вертикального положения с целью совершения мелких бытовых и гигиенических действий, потом уже окончательное принятие горизонтального положения и сон.*

Идиоматические выражения *собрать всю волю в кулак, убивать время, проваливаться в сон* также подвергаются авторской переработке: инфинитивы *собрать, убивать, проваливаться* трансформируются в девербативы *собрание, убивание, проваливание: собрание всей воли в кулак, убивание времени, моментальное проваливание в сон.*

Как известно, семантическая функция девербативов заключается во вторичной (по сравнению с прямой глагольной) номинации действия, но именно лингвопоэтический эксперимент по массивированному употреблению девербативов вместо требуемых контекстной ситуацией глаголов создает эффект победы статики над динамикой даже в тех случаях, когда отглагольное имя мотивировано глаголом движения:

...*уезжание* на месторождение Береговое.
Приезжание на месторождение Береговое.
Подъезжание перронного автобуса к самолету «Боинг-767».
...*укладывание, усаживание, отъезжание.*
Переезжание Волги по длинному мосту.
Проезжание нескольких остановок.

Очевидная девиантность девербативного речеведения делает текст трудным для восприятия, что и входило в авторскую интенцию создания эффекта «замораживания» глагольности посредством замены личных форм глагола их синтаксическими дериватами. Массивированное употребление отглагольных существительных привело к «депрессии» формы: грамматическому минимализму «субстантивного» повествования.

Проведенный анализ продемонстрировал смыслопорождающие и текстообразующие возможности коллокации как лингвопоэтического приема контекстного (контактного или дистантного) взаимодействия различных глагольных форм и девербативов, актуализирующих в тексте свои именные или глагольные потенции.

Список литературы

1. Бунин И. А. Убийца // Собр. соч. : в 4 т. М., 1988. Т. 3.
2. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1943.
3. Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч. : в 8 т. М., 1955. Т. 4.
4. Данилов Д. Горизонтальное положение // Журнальный зал «Русского журнала» : [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/9/dd2.html (дата обращения: 17.05.2018).
5. Егорова Е. Н. Девербативы как субстантивные формы глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
6. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2.
7. Зайченко Н. Г. Функционально-смысловой объем взаимосвязанной контекстной реализации членов глагольного словообразовательного гнезда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2010.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
9. Маканин В. Буква А // Журнальный зал «Русского журнала» : [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/4/makanin.html (дата обращения: 14.05.2018).
10. Миронов Д. Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербативов : дис. ... канд. филос. наук. Таллин, 2008.
11. Мирошникова З. А. Проблемы семантики и функционирования имен действия в системе языка : монография. М., 2003.
12. Морозова Е. Из города Эн // Российская газета. 2011. Вып. 5636 (260).

13. Рахилина Е. В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 201 – 217.

14. Ремчукова Е. Н. Вид и отглагольное словообразование. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки ТУ. Тарту, 1990. Вып. 896. С. 21 – 30.

15. Русская грамматика : в 2 т. М., 1982. Т. 1.

16. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. М., 1982.

17. Солженицын А. И. Старение // Рассказы и крохотки // Proflib: электронная библиотека. URL: <https://proflib.net/chtenie/41652/aleksandr-solzhenitsyn-rasskazy-i-krokhutki.php> (дата обращения: 29.04.2018).

18. Ташлыкова М. Б. Случай и случайность в жизни и языке: к проблеме описания семантической структуры непредметных имен // Системное и асистемное в языке и речи : материалы Международной научной конференции. Иркутск, 2007. С. 4 – 20.

19. Трофимова А. В. Особенности семантики русских позиционных глаголов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №2, ч. 2. С. 195 – 198. URL: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/55.html (дата обращения: 27.04.2018).

Об авторе

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: banagr@rambler.ru

The author

Prof. Natalya G. Babenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: banagr@rambler.ru